МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

Научный журнал
Издается с 1998 года
Выходит один раз в два месяца

№ 4 (71)

31 августа 2018

ISSN 1991-5497

Индекс в каталогах Роспечати 31043

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
А.А. Петров – член международного союза журналистов (г. Горно-Алтайск)
УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «РМНКО»
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А.В. Петров – д-р пед. наук, проф., академик ПАНИ, член международного союза журналистов (г. Горно-Алтайск)
ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Н.А. Волкова – канд. филол. наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
Н.С. Часовских – канд. пед. наук, член межд-го союза журналистов (г. Горно-Алтайск)
ВЕРСТКА
Е.В. Иваницкая (г. Горно-Алтайск)
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА
В.А. Петров (г. Горно-Алтайск)
ПЕРЕВОДЧИК
М.А. Останина – канд. филол. наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЯ
649006, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, д.159/1, кв. 30

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
Тел.: +79139900008;
e-mail: mnko@mail.ru http://amnko.ru/

ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН:
- Роскомнадзор РФ, Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49955 от 23.05.2012 г.
- International Centre ISSN, Paris – France
- Включен в новый «Перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ» по следующим научным отраслям: Педагогические науки; Психологические науки; Филологические науки

Подписано в печать 19.08.2018
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. – 72,25.
Тираж 500 экз. Зак. №
Свободная цена.

© Редакция журнала «Мир науки, культуры, образования», 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.И. Щербаков – председатель редакционного совета, доктор педагогических наук, профессор (*г. Москва*)
Е.Л. Кудрина – доктор педагогических наук, профессор (*г. Москва*)
И.Р. Лазаренко – доктор педагогических наук, профессор (*г. Барнаул*)
В.И. Загвязинский – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (*г. Тюмень*)
Д.Ф. Чевалир – доктор филологических наук, профессор штата Мерилэнд *(США)*
Д.Е. Майкельсон – доктор филологических наук, профессор (*США*)
С. Ионеску – доктор психологии, доктор медицины, профессор университета Париж 8 *(г. Париж)*
У. Грисволд – доктор педогогических наук, Университет Мемфиса (Теннесси, США)
В. Сартор – доктор педагогических наук, профессор университета штата Нью-Мексико, каф. изучения языков, грамотности и социокультурологии; стипендиат фонда Fulbright, г. Нью-Мексико (*США*)
М.Г. Чухрова – доктор медицинских наук, профессор (*г. Новосибирск*)
О.О. Синицына – доктор медицинских наук, НИИ ЭЧИГОС им. А.Н. Сысина РАМН (*г. Москва*)
Г.И. Лазарев – доктор экономических наук, профессор, ректор ВГУЭС (*г. Владивосток*)
С.В. Кривых – доктор педагогических наук, профессор (*г. Санкт-Петербург*)
Т.М. Степанская – доктор искусствоведения, профессор (*г. Барнаул*)
А.И. Субетто – доктор философских и экономических наук, профессор, Грант-доктора философии, Полного профессора по Оксфордской образовательной сети, Международному институту фундаментального обучения (*г. Санкт-Петербург*)
В.В. Собольников – доктор психологических наук, профессор (*г. Новосибирск*)
Ю.С. Аликин – доктор биологических наук, профессор (*г. Новосибирск*)
Н.А. Мешков – доктор медицинских наук, профессор (*г. Москва*)
Петер Шпитцер – профессор Медицинского университета Граца, кафедра детской хирургии и кафедра медицины катастроф и профилактики травматизма (Австрия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Петров – председатель редакционной коллегии, главный редактор, доктор педагогических наук, профессор, академик ПАНИ (*г. Горно-Алтайск*)
Ю.В. Сенько – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор (*г. Барнаул*)
И.К. Дракина – доктор педагогических наук, профессор (*г. Санкт-Петербург*)
С. Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор (*г. Москва*)
В.В. Гафаров – доктор медицинских наук, профессор (*г. Новосибирск*)
В.С. Чернявская – доктор педагогических наук, профессор (*г. Владивосток*)
А.М. Руденко – доктор философских наук, профессор (*г. Ростов-на-Дону*)
М. Миланков – доктор медицинских наук, профессор (*г. Нови Сад, Сербия*)
С.Б. Нарзулаев – доктор медицинских наук, профессор (*г. Томск*)
Ю.В. Сорокопуд – доктор педагогических наук, профессор (*г. Москва*)
И.Б. Горбунова – доктор педагогических наук, профессор *(г. Санкт-Петербург)*

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Дизайн обложки: П.Г. Белозерцев. В оформлении использованы стихи Б. Бедюрова, Т. Маршаловой, П. Валери.

Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya

Scientific Journal
published since 1998.
Issued once in two months

№ 4 (71)

31 August 2018

ISSN 1991-5497

Index in catalogues of Russian Post: 31043

GENERAL DIRECTOR
A.A. Petrov, member of International Union of Journalists (Gorno-Altaisk)
FOUNDING PARTY: RMNKO LLC
EDITOR-IN-CHIEF
A.V. Petrov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, member of the Petrov Academy of Sciences and Arts, member of International Union of Journalists (Gorno-Altaisk)
FIRST DEPUTY OF EDITOR-IN-CHIEF
N.A. Volkova, Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer (Gorno-Altaisk)
TECHNICAL EDITOR
N.S. Chasovskykh, Cand. of Sciences (Pedagogy), member of International Union of Journalists (Gorno-Altaisk)
MAKING-UP
Ye.V. Ivanitskaya (Gorno-Altaisk)
MANAGING EDITOR OF THE ELECTRONIC VERSION OF THE JOURNAL
V.A. Petrov (Gorno-Altaisk)
TRANSLATOR
M.A. Ostanina, Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer (Gorno-Altaisk)

ADDRESS OF THE EDITOR'S OFFICE & PUBLISHER
Kommunistichesky Avenue, 159/1, ap. 30, Russia, Altai Republic, Gorno-Altaisk, 649006

EDITORIAL STAFF
Tel.: +79139900008;
E-mail: mnko@mail.ru http://amnko.ru/

INDEX OF SCIENTIFIC CITATION:
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070

THE JOURNAL IS REGISTERED IN:
- Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications of Russian Federation; Certificate of Mass Media Registration ПИ № ФС 77-49955 dated from May 23, 2012
- International Centre ISSN, Paris – France
- The Journal is listed in the actual "Catalogue of leading reviewed editions by Highest Attestation Commission of RF" in Pedagogical Sciences, Psychological Sciences and Philological Sciences

Passed for printing on 19.08.2018
Format: 60x84/8. Cond. printed sheet: 72,25.
Circulation: 500 pieces. Order №
Price free of control

© Editor's office of "Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya", 2018

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

Yu.I. Shcherbakov – Chairman of the Scientific Editorial Board, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
Ye.L. Kudrina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
I.R. Lazarenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
V.I. Zagvyazinsky – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Academician of Russian Educational Academy (Tumen, Russia)
J. Chevalier – PhD (Philology), Professor (Maryland, USA)
J. Mikkelson – PhD (Philology), Professor (Kansas, USA)
S. Ionescu – PhD (Psychology, Medicine), Professor, Paris 8 University (Paris, France)
W. Griswold – PhD (Pedagogy), Professor, University of Memphis (Tennessee, USA)
V. Sartor – PhD (Pedagogy), Professor, University of New Mexico, Fulbright Scholar (New Mexico, USA)
M.G. Chukhrova – Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Novosibirsk, Russia)
O.O. Sinitsyna – Doctor of Sciences (Medicine) Scientific Research Institute ECHIGOS n. a. A.N. Sysin, Russian Academy of Medicine Sciences (Moscow, Russia)
G.I. Lazarev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Rector of Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russia)
S.V. Krivykh – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (St. Petersburg, Russia)
T.M. Stepanskaya – Doctor of Arts Studies, Professor (Barnaul, Russia)
A.I. Subetto – Doctor of Sciences (Philosophy, Economics), Professor, Grant of PhD, Full Professor in Oxford Educational Net, International Institute of Fundamental Studies (St. Petersburg, Russia)
Yu.S. Alikin – Doctor of Sciences (Biology), Professor (Novosibirsk, Russia)
N.A. Meshkov – Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Moscow, Russia)
P. Spitzer – Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Medical University of Graz, Department of Pediatric Surgery, Department of Accident Research and Injury Prevention (Austria)

SCIENTIFIC EDITORIAL STAFF

A.V. Petrov – Chairman of the Scientific Editorial Staff, Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, member of the Petrov Academy of Sciences and Arts (Gorno-Altaisk, Russia)
Yu.V. Senko – member of Russian Educational Academy, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
I.K. Drakina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (St. Petersburg, Russia)
S.D. Karakozov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
V.V. Gafarov – Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Novosibirsk, Russia)
V.S. Chernyavskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vladivostok, Russia)
A.M. Rudenko – Doctor of Science (Philosophy), Professor (Rostov-on-Don, Russia)
M. Milankov – PhD (Medicine), Professor (Novi Sad, Serbia)
S.B. Nurzulaev – Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Tomsk, Russia)
Yu.V. Sorokopud – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, (Moscow, Russia)
I.B. Gorbunova – Doctor of Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Authors of the published materials are responsible for authenticity and precision of citations, personal names, and other information, and for following the law about intellectual property.

Design of the cover: P.G. Belozertsev. For the design poems by B. Bedyurov, T. Marshalova and P. Valery are used.

8. Виноградов В.В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа, 1972.
9. Солганик Г.Я. *Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое*). Москва: Высшая школа, 1973.
10. Чернухина И.Я. *Очерк стилистики художественного прозаического текста (факторы текстообразования).* Воронеж: ВГУ, 1977.

References

1. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moskva: Nauka, 1981.
2. Pochepcov G.G. Pragmatika teksta. *Kommunikativno-pragmaticheskie i semanticheskie funkcii rechevyh edinstv*. Kalinin: KGU, 1980.
3. Odincov V.V. *Stilistika teksta*. Moskva: Nauka, 1980.
4. Infantova G.G. Sovremennye tendencii realizacii tekstovyh kategorij cel'nosti, svyaznosti i raschlenennosti. *Filologicheskie nauki.* 2008, № 6: 74 – 78.
5. Otkupschikova M.I. *Sintaksis svyaznogo teksta*. Leningrad: LGU, 1982.
6. Malycheva N.V. *Tekst i slozhnoe sintaksicheskoe celoe: sistemno-funkcional'nyj analiz.* Rostov-na-Donu: APSN, 2003.
7. Kolshanskij G.V. *Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka*. Moskva: Nauka, 1984.
8. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moskva: Vysshaya shkola, 1972.
9. Solganik G.Ya. *Sintaksicheskaya stilistika (slozhnoe sintaksicheskoe celoe*). Moskva: Vysshaya shkola, 1973.
10. Chernuhina I.Ya. *Ocherk stilistiki hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta (faktory tekstoobrazovaniya).* Voronezh: VGU, 1977.

Статья поступила в редакцию 03.08.18

УДК 81-2

Maslov A.A., *Doctor of Sciences (History), Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia), E-mail: amaslov@hse.ru*
Prosvirkina I.I., *Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Orenburg State University (Orenburg, Russia), E-mail: prosvirkina.irina@yandex.ru*
Bulakhtina T.A., *student, Orenburg State University (Orenburg, Russia), E-mail: mrs_tana@mail.ru*

THE STYLE OF EXPRESSION OF TEMPORARY CATEGORIES IN THE LI BO'S POETRY. The paper discusses the key notions and vocabulary used by the Chinese poet and intellectual Li Bo of Li Bai (8 c.) for the description of time and temporary continuum. Following the Tang period poetic tradition Li Bo implemented two groups of notions. The first one is represented by the direct indication to the particular moment ("today", "in the past"), the second one is represented by indirect description by some "signs" affiliated with concealed symbolic meaning, such as "the shadow of bamboo", the "coocoo cry", "the wind from the East", "drinking dancing in the mountains", etc. The continuum could be expressed by the binary oppositions like "past-present" (gu – jin), "late night – early morning" (xiao – xiao), "autumn – springtime" (qiu – chun), etc, at the same time "moon" became a symbol of eternal and unchangeable. By trying to overcome worldly discreet structures and to address directly to the temporary continuum Lo Bo establishes just a starting point ("ancient time" or "in the past" – gu) and a present moment point ("today" of "right now" – jin) without any events in the middle. This sudden and inversive transfer from "present" to "past" is expressed in the terms of "suddenness" (ou), "distance" (yuan), visualization of the "moon of the past times" (gu shi yue), etc. At the same time the immersion to the "past" is equal to the gaining of sudden wisdom and is the allusion of the attainment of enlightenment.

Key words: **lexical explication of time, temporary notions, cultural semantic, Chinese language worldview, Chinese poetry, Li Bo.**

А.А. Маслов*, д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, E-mail: amaslov@hse.ru*
И.И. Просвиркина*, д-р пед. наук, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, E-mail: prosvirkina.irina@yandex.ru*
Т.А. Булахтина*, студент, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, E-mail: mrs_tana@mail.ru*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЛИ БО

В статье проанализированы различные способы выражения временных категорий в стихотворениях китайского поэта Ли Бо. Выделены темпоральные лексические единицы, указывающие на время («сегодня», «в прошлом»), описаны некоторые символы («тень бамбука», «кокосовый крик», «ветер с Востока» и т. д.). Авторы считают, что важную роль в поэтической системе Ли Бо сыграли художественные средства выразительности, такие как антитеза («Поздняя ночь – раннее утро» (сяо – сяо), «осень – весна» (цю – чунь) и т. д), прецедентные феномены. В то же время в стихотворениях Ли Бо время является символом сиюминутности жизни, обретение внезапной мудрости. Понимание глубинного смысла темпоральных лексических единиц, с помощью которых фиксируется «время» в поэтическом тексте Ли Бо, невозможно без расшифровки прецедентных феноменов и символов китайского языкового сознания, отражающего национальную картину мира, а также особой эстетики, образности поэтического мира поэта.

Ключевые слова: **лексическая экспликация категории «время», темпоральная лексика, культурная семантика, китайская языковая картина мира.**

Экспликация темпоральных лексических единиц во многом зависит не только от стабильных лексических единиц, очевидно указывающих на временную протяженность или отдельно взятый момент, но и от использования символических образов, так или иначе связанных со временем и пространством, причем в ряде случаев эти образы воспринимаются только «изнутри» культуры и могут быть «прочитаны» только ее носителями. Пространство и время – основные категории, отражающие мир, поэтому в языкознании исследованию способов экспликации данных категорий уделяется особое внимание. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает роль категории времени в развитии языка: «Время воздействует на язык извне и изнутри… Время стимулирует развитие языка и вместе с тем налагает на него ограничения, которые язык вынужден преодолевать» [1, с. 5 – 6]. Нельзя не согласиться с тем, что любой язык ищет способы преодолеть дискретность лексических единиц при описании временного континуума и нередко прибегает к сочетанию явных указателей на дискретную временную точку («вчера», «сегодня», «в прошлом») и символических образов времени (в китайском языке, например, луна, кукушка, сороки и т. д.)

Во многих научных трудах, посвящённых способам выражения «пространства» и «времени», данные понятия представлены как тесно связанные, и часто только в рамках этой взаимосвязи исследователи описывают непрерывность движения материи. Несмотря на тесную связь данных категорий экспликация категории «время», в частности, темпоральные лексические едини-

цы, исследованы современной наукой недостаточно. В научных трудах, в которых исследуются лексические единицы, обозначающие время (темпоральные единицы), данная проблема изучается в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Исследование темпоральных языковых единиц освещается в работах В.П. Гак, Ю.Д. Апресяна, Е.Г. Крейдлина, В.А. Плунгяна, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян, Е.С. Яковлевой и многих других. Но в области китайского языка подобных исследований проводится недостаточно, что обуславливает актуальность темы, к которой мы обращаемся. Важность нашего исследования связана ещё и с тем, что развитие любого языка отражается в языковых единицах, обозначающих время, а темпоральные единицы языка отражают самобытность восприятия категорий, в частности – времени. В художественном же тексте, особенно поэтическом, данные языковые единицы приобретают особое образно-символическое значение. В связи с этим мы обратились к анализу лексических единиц, обозначающих время, в текстах стихотворений Ли Бо (701–762 гг.) – известного китайского поэта. Анализ темпоральных единиц на материале поэтических текстов, на наш взгляд, не только позволит осознать культурологические особенности лексических единиц китайского языка, обозначающих время, но и научиться понимать смысл образной, символической картины китайцев.

В статье описаны средства выражения темпоральности в поэтических текстах Ли Бо. Для системного описания разнообразных языковых средств, с помощью которых Ли Бо создаёт особое временное пространство, мы обратились к научным исследованиям, в которых определяется место категории «время» в языковой картине китайцев, а затем – сравнили темпоральные лексические единицы, использованные поэтом для создания образа времени.

Интерес к анализу категории времени и её значению для китайского языкового сознания возник давно. К данной проблеме обращался ещё первый российский синолог И.Я. Бичурин, в 1848 году детально описавший особенности китайского времяисчисления и, в частности, летоисчисления. Учёным были проанализированы названия элементов системы двенадцати «земных ветвей», системы разделения календарного года на 24 «перемены атмосферы» [2, с. 35 – 45, 244 – 249], упомянуты т.н. «десять пней небесных» [2, с. 38] (в современных работах чаще используется термин «небесные стволы» (*тяньгань*天干)).

В монографии Тань Аошуан темпоральная лексика представлена как часть китайской языковой картины мира. Автор анализирует значение иероглифов, используемых для обозначения понятия «время»: *шицзянь*时间, *шикэ*时刻 и иероглиф *шунь* 瞬 (миг); описывает основные лексические единицы, эксплицирующие понятие «время»; представляет их в виде антонимических пар, которые участвуют в образовании временных конструкций: цянь 前 спереди (и синоним *сянь*先 первый по порядку, сначала, раньше) – *хоу*后 «сзади»; *шан*上 «верх» – *ся*下 «низ»; *лай* 来 «приходить» – *цю*去 «уходить». Кроме того, учёный отмечает сосуществование в китайской картине мира двух языковых моделей времени: линейно-исторической и традиционной антропоцентрической, при этом последнюю она считает превалирующей и имеющей отражение в лексических единицах [3, с. 31 – 42]. Тань Аошуан считает, что в китайской языковой картине мира изменение времени в силу его антропоцентричности представлено движением поколений человечества в сторону прошлого. Этот процесс она сравнивает с набегающими волнами: поколения людей, обращенных лицом к прошлому, движутся вслед за своими родителями и прародителями снизу вверх (к небу) и постепенно уходят в историю, а их место занимают потомки [3, с. 41].

В целом, как для китайской философской, так и для лексической традиции характерно обращение к прошлому не только как к чему-то очевидно позитивному, но и как к прецеденту, который легитимизирует все, что происходит в настоящий момент. При этом в лексическом выражении время в китайской традиции течет не в «горизонтальной» проекции (в качестве примера обратим внимание на множество графических изображений, где время «течёт» слева (вчера или раньше) направо (завтра, позже), а в вертикальной: «раньше» изображается как «верх» (上), а «будущее» как «низ» (下). Таким образом, временная конструкция «стекает» вниз, а для обращения к прошлому необходимо «восхождение» обратно – это чуть позже мы покажем на примере некоторых строф Ли Бо.

А.А. Маслов в работе «Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала» рассматривает восприятие китайцами времени через призму их отношения к своей истории, которая для них первичнее религии. К великим историческим персоналиям китайцы относятся как к своим далеким родственникам. Исторические факты из жизни известных предков являются руководством к тому, как нужно жить и правильно поступать. Некоторая последовательность действий людей древности в разных ситуациях складывалась под влиянием трепетного отношения последующих поколений к истории и постепенно превратилась в ритуал, дошла до наших дней в виде обрядов и церемоний. Таким образом, история сакрализируется и становится в китайском сознании чем-то мистическим. Абсолютность деяний великих предков культивирует постоянное повторение их поступков, поэтому китайская история является одновременно и линейной последовательностью событий, и цикличным повторением сформировавшихся традиций [4].

А.Е. Сериков также пишет о сочетании линейности и цикличности в восприятии времени китайской культурой. В качестве отличающей черты он, как и Тань Аошуан, выделяет обращенность говорящего к прошлому, а кроме того, активность движения в прошлое и пассивность ожидания встречи с будущим. Ценным является умение поймать нужный момент и соответствовать наступающим обстоятельствам, не пытаясь приблизить необходимую ситуацию, и просто ждать. В этой особенности мировосприятия, по нашему мнению, заключено глубокое влияние основных принципов даосской философии на китайский менталитет [5].

В словарях иероглифов и графем лексические единицы классифицируют по «темам», которые отражают определённую языковую картину мира китайцев. Так в китайско-русском словаре иероглифов Ван Луся и С.П. Старостиной графемами, которые относят к теме «время», названы: *чэнь*辰 – пятый циклический знак, *и*乙 – второй циклический знак десятеричного цикла «небесные стволы»; *фэй* 飞 «летать, летающий»; *шу* 书 «книга, книжный»; *дянь* 电 «молния»; *си* 夕 «вечер»; *до* 多 «много, намного, больше»; *мин* 名 «имя, название, наименование» [6, с. 41 – 48].

В работе Сюэ Шаолань тематическая группа, связанная с осознанием временного континуума, называется «Числа, время, даты», и как основные единицы автором называются числительные (от 1 до 100), тысяча, доллар; графемы *дянь* 点 «точка», час; *нянь* 年 «год», *юэ* 月 «луна, месяц»; *жи* 日 «солнце, день»; *шэн* 生 «рождение» [7].

Итак, лексические единицы, эксплицирующие «время» как базовую категорию китайского языкового сознания, невозможно понять в отрыве от китайской культуры, истории, философии. Важно отметить, что выделение графем и иероглифов в группу, относящуюся к категории «время», у разных авторов неоднозначно, и мы считаем, что это связано, прежде всего, с тем, что ощущение времени интерпретируется носителями языка на основе философских, а не лексических критериев.

В китайском языке, в особенности в поэтическом контексте, можно нередко встретить темпоральное указание по косвенным признакам – по событию, которое формально не указывает на время. А. Маслов приводит пример каллиграфических парных надписей в сочетании с картиной. На свитке изображен растущий бамбук и, едва начавшая расцветать, слива-мэйхуа. Слева и справа на отдельных парных свитках (*дуйлянь*对联) идут каллиграфические надписи, раскрывающие суть изображённого: *Мэйсянжумэн, цзюэчунъ лай* 梅香入梦觉春来 / *Чжуинхэнцзун*, *чжиюэйшан*竹影横聪知月上: «Ароматы сливы наполнили меня грезами – чувствую, пришла весна. Тень от бамбука легла наискосок – понял, что месяц взошел».

Как видим, явления, никак не связанные между собой, вдруг обретают временную связь, позволяя «постигать себя» друг через друга, как месяц и бамбук. И косвенными, но при этом очевидными временными указателями, выступают «ароматы сливы», которые указывают на весенний период, и «тень от бамбука», которая указывает на приход сумерек [4, с. 203 – 204].

В произведениях Ли Бо, на творчество которого оказали влияние как даосские, так и буддийские теории, в том числе и концепция «внезапного просветления», категория времени отражает базовые понятия китайского сознания, но особыми поэтическими средствами выражения [8]. В стихотворении 把酒问月«С кубком в руке вопрошаю луну» («*Бацзювэньюэ*»), как и во многих других, присутствуют «следы» сюжетов даосских алхимических текстов. В общем, в произведении поэта лексические единицы передают чувство свободы и созерцательности, поэтическая картинка сиюминутна, «фотографична». В соответствии с даосскими традициями, многие стихи содержат идею «забытия», «самоотсутствия», утраты связи личности с пространственно-временным конти-

нуумом, что отражается и на лексической экспликации данных смыслов.

Так, например, в стихотворении 独坐敬亭山 «Одиноко сижу в горах Цзинтиншань» («*Дуцзоцзинтиншань*») [9] темпоральная лексика как таковая отсутствует, время в тексте передано через описание происходящих вокруг наблюдателя (автора) действий, которые происходят «здесь и сейчас». Роль наблюдателя обуславливает его отстраненность: время проплывает мимо него, он созерцает события со стороны, выжидает наступление подходящего момента, при котором «встраивает себя», свое сознание в текущую ситуацию, переживая ее неповторимость. Затем Ли Бо, как живописец, пишущий в быстрой технике *сеъи* (写意) – «выписывание мыслью», – одним взмахом кисти фиксирует ускользающую картину, осознавая сиюминутность бытия.

В стихотворении 静夜思 «Думы тихой ночью» («*Цзин е сы*») [9] единицей, эксплицирующей время, является находящийся в названии иероглиф *е*夜«ночь, ночью, вечером; мрак, темнота; тёмный». В самом тексте лексику, прямо указывающую на время, автор уже не использует, рисуя образы, сообщающие нам о нем косвенно. Первая строка (床前明月光 «Край постели сверкает в свете луны») говорит о том, что действие происходит при свете луны, то есть в ночное время. Вторая строка (是地上霜 «Видимо, инеем он покрылся») передает ощущение холодного времени года. В строках (举头望明月«Вскидывая голову, любуюсь яркой луной» и 低头思故乡 «Опуская голову, тоскую по родным краям») возникает стандартный для китайской поэзии символ «луны», указывающий на «тоску по родным местам». Данный символ обращает взор автора внутрь, и как следствие, возвращает его «назад» во времени. Тоска чиновника, который вынужден служить вдали от родных мест и близких ему людей, воплощается в особого рода «задумчивости» (*сы*思).

Сравнивая способы выражения темпоральности в поэтическом тексте 把酒问月«С кубком в руке вопрошаю луну» с двумя предыдущими, отметим наполненность данного стихотворения лексическими средствами выражения категории времени. Можно отметить восемь лексических единиц, обозначающих время (в скобках указано количество повторений в тексте):

- *ши* 时 (3) – время, час; постоянно, подходящий случай; эра, эпоха, век;
- *цзинь* 今 (4) – настоящее время, ныне, современный;
- *сяо* 宵(1) – ночь, ночной, (темнота; темный …);
- *сяо* 晓 (1) – рассвет, утренняя заря; утро;… утренний;… на рассвете; предрассветный;
- цю 秋 (1) – осень;
- *чунь* 春 (1) – весна;
- *гу* 古 (3) – древность, старина;
- *цэнцзин*曾经 (1) – уже, уже некогда, уже в своё время, прежде, когда-то; однажды…

В первой строке (青天有月来几时，我今停杯一问之«Когда появляется луна на небе голубом, я отставляю свой бокал, один вопрос задать») иероглиф *ши*时 сочетается с вопросительной частицей *цзи*几: *цзи ши*几时 – «в какое время, когда»; а иероглиф *цзинь*今 является показателем настоящего времени для всего предложения.

В четвертой строке (但见宵从海上来，宁知晓向云间没 – «И увидишь ты, как в вечерний час из моря встаёт луна, а в свете утра узнаешь, что в облаках сокрылась она») вновь возникает символ луны, которая совершает «круг во времени», и противопоставлена дневному свету: она появляется именно в ночной тьме (*сяо*宵), а при утреннем рассвете (*сяо*晓) луна скрывается за облаками. Время представлено через динамику движения луны и встречу света и тьмы.

В пятой строке («И заяц белый толчет там снадобье свое, пока осени сменяются веснами. И богиня Чань Э в одиночестве рядом с ним живет» (白兔捣药秋复春，嫦娥孤栖与谁邻) автор упоминает мифологические образы. Красавица Чань Э, обреченная на вечную одинокую жизнь на луне в обществе Белого зайца, который занимается вечным приготовлением снадобья бессмертия. Сами эти персонажи – богиня Чань Э, Белый заяц – являются воплощением вечности и неизменности установленного миропорядка, вечная жизнь выступает символом одиночества, а «чудесное снадобье» или «пилюля бессмертия», что толчет Белый заяц, оказывается столь же желанной, сколь и ненужной. Все действия «вечности» в тексте противопоставляются обыденной жизни, состоящей из череды перемен (*цю фу чунь* 秋复春 – «осени, что весны сменяют»). Данное противопоставление создает ощущение сиюминутности бытия и неизменности ценностей древности. Обратим внимание также на то, что выражение «весны и осени» в китайском языке указывает не столько на смену сезонов, сколько на течение времени, – не случайно одна из известнейших китайских хроник так и называется «Чуньцю» («Весны и осени») и охватывает период 722-468 г. до н.э.

Шестая строка (今人不见古时月，今月曾经照古人) сообщает о том, что *цзинь жэнь* 今人«современным людям» уже не увидеть *гу ши юэ* 古时月 – «луны древних времен», а *цзиньюэ*今月«сегодняшняя луна» *цэнцзин*曾经 – «уже никогда не будет светить» *гужэнь*古人 «как это делала она людям древности». Таким образом, Ли Бо объясняет, что современным людям уже недоступна древняя мудрость, да и сама мудрость не транслируется на современных людей. Символика луны намекает на вечность и неизменность мудрости во всех её проявлениях, но её сокрытый смысл, то есть смысл «мудрости прошлого» уже не доступен ныне живущим людям. В этом стихотворении Ли Бо проявляется вполне традиционный для китайской поэзии мотив разрывности «древнего» и «нынешнего» и лексически «*гу-цзинь*» означают не только «протяженность времени от прошлого до настоящего», но и бинарную оппозицию, несмыкаемость «прошлого» и «настоящего».

В седьмой строке «Что люди прошлого, что люди нынешние, – подобны все они воды потокам. Ведь вместе все они одинаково на луну глядят» (古人今人若流水，共看明月皆如此) временные единицы вновь представлены парой *гу* 古«древность» и *цзинь* 今«современность», а динамика – образом непрерывного потока смены древних людей современными (古人今人若流水). Несмотря на кажущуюся близость лексических способов выражения с предыдущей строкой, в данной фразе вместо «несмыкаемости» прошлого и настоящего мы наблюдаем восстановление временного континуума, причем объединяющим компонентом выступает именно «любование общей луной». Вообще, символика луны как низменного и порою единственного спутника странника – как во времени, так и в пространстве – оказывается важнейшим «временным мотивом» и указателем на «вечность» в китайской поэтике.

И завершающая фраза: «Хотел бы я, чтобы в часы эти, когда слагаю я строки о вине, длинный луны луч отражался бы в кубке золоченом моем» (唯愿当歌对酒时，月光长照金樽里) подчёркивает, что луна, отражаясь в кубке, символизирует вечность, которая противопоставлена ускользающему и проходящему моменту. Иероглиф *ши* 时 – «время», «период» можно трактовать как «короткий момент», который противопоставлен чему-то протяжённому, выраженному иероглифом *чан* 长 – «долгий» или «длинный» луч луны.

Таким образом, в проанализированном тексте указание на время и подходящий (по времени) случай выражается лексической единицей ши 时, динамика смены событий представлена парами современность – древность (*цзинь* 今–*гу* 古), ночь – утро (*сяо* 宵– *сяо* 晓), осень – весна (*цю* 秋– *чунь* 春); единица *цэнцзин* 曾经«уже никогда» указывает на необратимость события во времени.

Лексемы времени, использованные Ли Бо, имеют более глубокий смысл: они не только указывают на «сегодня» и «вчера», а являются элементами языковой игры. Играя со значением слов, прямыми и косвенными намёками, поэт создает ощущение проживания в одном бесконечном пространстве, где прошлое и настоящее вплетены друг в друга, а мир – столь же реален и даже физически болезнен (например, возникающий мотивы переживания), а также абсолютно мистичен и ирреален.

Работая в жанре *юэфу* 樂府 – традиционной китайской лирической поэзии (обычно в пять иероглифов), часто создаваемой в подражании народным напевам, Ли Бо выстраивает причудливую картину, играя образами, которые внезапно «перебрасывают» человека из настоящего в прошлое. Причем для этого он не использует явные указатели (такие, как «вчера» или «древность») – автор достигает данного эффекта с помощью символов, хорошо понятных китайскому читателю, но плохо «прочитываемых» в переводах на западные языки. Например, одним из таких прецедентных указателей-символов на перенос в прошлое у Ли Бо может служить старая, искривлённая временем сосна; крик ночной кукушки; «взирание» вдаль; чтение нараспев стихов поэта древности и даже сорванная ветром шапка.

Ли Бо пользуется множеством приемов, чтобы перенести временной континуум на континуум переживательный. Например, он пишет об иве (*лю* 柳), иероглиф которой омофоничен понятию «протекать» или «утекать», «ускользать» (流), подобно тому, как жизнь утекает вдаль. Рисуя образы вне пространства или конкретного места, Ли Бо пользуется методом аллюзии и тем

самым перенаправляет внимание читателя не на конкретный отрезок времени или событие, а на прошлое вообще [10]. Такой прием позволяет ему создавать ощущение вечно возвращающегося или бесконечно обновляющегося прошлого. Ли Бо практически постоянно апеллирует к прошлому или уходящему, создавая для читателя возможность пережить личный прошлый опыт, как глубоко интимный. Именно сокровенность прошлого дает ощущение истинности любого, уже прошедшего события.

Благодаря «игре со временем» Ли Бо стремится выстроить образ «сквозного» времени и стремительности проживаемой жизни – жизни, как моментальной вспышки мудрости и переживания. При этом сам «промежуток» проживания жизни как таковой оказывается не столь существенным, как понятия «вчера» и «сегодня», то есть, воспринимаемые как начальная и конечная временные точки. Мы сталкиваемся с намеренным «забыванием», ускользанием от того, что уже произошло – не случайно Ли Бо никогда не описывает «происходящее», а только уже «произошедшее». Проследим, как проявляется «намеренное забывание», на примере анализа стихотворения «Пишу о своих чувствах, что посылаю младшему двоюродному брату, начальнику области Бинчжоу» (书情寄从弟邠州长史昭) (подстрочный перевод здесь и далее выполнен А.А. Масловым).

1	Смеюсь я над собой – сколь долго гостем я брожу!	自笑客行久
2	Когда же в движении своем остановлюсь я?	我行定几时？
3	И вот пора уже обломать зеленой ивы ветки	绿杨已可折
4	Что вытянулись длиннее всех	攀取最长枝
5	Взмывают они вверх – я ж наслаждаюсь их весенним цветом.	翩翩弄春色
6	И долго стою в ожидании, тоской снедаем	延伫寄相思
7	Но кто сказал, что вещь эту мы ценить должны?	谁言贵此物？
8	Стремления мои – ценнее, чем нефритовый цветок.	意愿重琼蕤
9	Вчера во снах своих увидел я Хуэйлянь	昨梦见惠连，
10	А поутру сегодня читал я нараспев стихи Се-гуна.	朝吟谢公诗
11	Восточный ветер разворошил лазоревую траву	东风引碧草，
12	И невольно скрыл цветочный пруд	不觉生华池
13	Смотрю я вдаль – внезапно сумерки настали!	临玩忽云夕，
14	Скорбен крик ночной кукушки	杜鹃夜鸣悲
15	Скучаю по тебе в своих весенних песнях	怀君芳岁歇
16	Лишь деревья во дворе красный нектар проливают	庭树落红滋

В первой и второй строках автор использует антитезу, построенную на противопоставлении «бродить, ходить» (*син* 行) и «остановится, осесть» (*дин* 定), создающую внутреннюю динамику стихотворения и указывающую на стандартную бинарную оппозицию даосского текста «движение – покой». Далее весь стих построен на неявной антитезе, которая и создает для читателя ирреальность временного континуума. Размышления автора изменяют ток времени и позволяют встречаться с героями прошлого – с теми, кто близок и дорог сердцу, соединить прошлое и будущее, грезы и реальность. Новая антитеза в 9–10 строках усиливается благодаря использованию прецедентного имени. «*Вчера* во снах увидел… а по утру *сегодня* читал я нараспев…» (昨梦见…朝吟). Ночью поэт видит Хуэйляня, то есть интеллектуала и поэта Се Хуэйляня (397 – 43 гг.,谢惠连), чье имя стало нарицательным символом добрых дружеских чувств, а утром нараспев читает его же стихи (строка 10). К образу Се Хуэйляня Ли Бо прибегал не раз, например в стихотворении «Весенней ночью на пиру сижу я в персиковом саду с друзьями» («春夜宴从弟桃花园序»), поэт также описывает, как быстро летит время, а жизнь проносится, как мимолетный сон. Примечательно, что имя поэта Се Хуэйляня, с которым Ли Бо разделяют несколько столетий, внезапно оказывается своеобразным экспликатором времени – символом тонкой, но светлой грусти о прошедшем (несколько иную трактовку смысла временных аллюзий стихотворения можно найти в работе Паулы Варсано [10; с. 260 – 261]).

Поскольку воспоминания поэта модифицируют время, отсылка к символу Се Хуйэляня (то есть к прошлому и скорбному) сразу же вызывает ассоциации с другим прецедентным феноменом – кукушкой (строка 14), её скорбным криком, возвращающим читателя и автора в настоящее время.

В последующих строках также обыгрывается стремительная «смена» «настоящего» и «прошлого», надежды на обновление и реминисценции прошлой мудрости. Так, «ветер с востока» (*дун фэн* 东风) – символ весны, обновления и ожидания будущего, равно как и «лазорево-зеленая трава» (*би цао* 碧草), которую «расшевелил весенний ветер» – символ свежести и нарождения, при этом у нее есть и другой подтекст – из «свежей травы» делали соматический напиток, вино, которое всегда так почитал Ли Бо. «Цветочный пруд» (*хуачи* 华池) – символ бессмертия и вечной красоты, но одновременно это и намёк на упоминавшегося выше Се Хуэйляня, который писал о «цветочных прудах». Таким образом, фразу можно понимать так: «ожидания будущего пьянят и уносят мысли о вечном».

Время изменяется внезапно, и именно воспоминания «опрокидывают» его, заставляют течь вспять (строка 13): «Смотрю я вдаль – внезапно сумерки настали!». Эффект «внезапности» (*оу* 忽) переворачивает время и по сути устраняет всё, что было в промежутке между утром и вечером. Подобный прием – моментального продвижения по времени – приводит к идее о столь же моментальном прозрении человека (дун у), которое активно проповедовалось в период жизни Ли Бо одним из направлений чань-буддизма.

Ли Бо превращает прошлое в особый тип личной мудрости, отсылая нас к универсальной мудрости вообще, одновременно используя вполне стандартное для даосской философии понятие «самозабытия», «самоутраты в прошлом», при котором время становится неактуальным. Само же воспоминание «слоится», проходит как бы на нескольких временных уровнях, и читатель вслед за автором, словно «взбирается по воспоминаниям», каждый раз выверяя «истинного человека» в себе. Такое многослойное время можно наблюдать в известном стихотворении «Всхожу на гору в праздник двойной девятки» («Цзюжидэншань» 九日登山), а также в стихотворении «Праздник двойной девятки» (*цзюжи* 九日). Праздник «двойной девятки» или 9-е число 9-го месяца по лунному календарю в Китае традиционно считается праздничным днем. В этот день принято запускать воздушных змеев и устраивать фестиваль хризантем.

В первом стихотворении автор обыгрывает антитезу «настоящего и прошлого», как противопоставление «прихода» (*лай* 來) и «ухода» (*го* 過), что в переводе ниже обозначено как «пропустить мимо».

Придя сюда, лишь разочаровался я.	我來不得意
В пустых делах промчался мимо праздник двойной девятки.	虚過重陽時

«Ускользание» и «истечение» времени передается и в другой части стихотворения благодаря иероглифам «сдувать ветром» (*чуй* 吹) и «расстаться или распрощаться» (*бе* 别), которые способствуют погружению читателя в воспоминания о прошедшем, о друге:

Шапка слетела, ветром осенним унесена.	帽逐秋風吹
Прощаюсь со всеми, на башню всхожу	别後登此臺
Сказать бы хотел: «Хоть в мыслях вернемся друг к другу»	願言長相思

Перенос во времени, резкий «скачок», смена временных пластов достигается Ли Бо с помощью темпоральных лексических единиц, ярких символов, прецедентных феноменов в стихотворении «Праздник двух девяток»:

1. Сколь прекрасен сегодня облачный пейзаж	今日云景好，
2. Воды – лазурны, осенние горы светлы	水绿秋山明。
3. Чашу беру, «нектар бессмертных» пью	携壶酌流霞
4. Срываю хризантему – уплыл ее цветок	搴菊泛寒荣。

5. Уходят земли вдаль, сосны и камни древностью полны	地远松石古
6. Ветер разносит чистейший звук флейты и цитры	风扬弦管清
7. Взгляд в кубок радостью лицо озарит	窥觞照欢颜
8. Веселюсь я над собой – себе ж я сам и подношу!	独笑还自倾
9. Роняя шапку, пьяным танцую я, на месяц в горах глядя.	落帽醉山月
10. И в песнях пустых друзей вспоминаю	空歌怀友生

Стихотворение наполнено символами вечности и даосского бессмертия – автор пьет «нектар бессмертных» (*люся* 流霞) – сливовое вино. Этот «нектар» является мостом между современностью и древностью, автор не пьянеет, а лишь пересекает границу времени (строка 5): «уходят земли вдаль, сосны и камни древностью полны». Лексическим экспликатором «переноса во времени» в этих строчках является иероглиф «уходить вдаль» или «отдаляться» (*юань* 远), который коррелирует с иероглифом «уплывать» (*фань* 泛) в строке 4, и возникает символический образ «разносящихся в чистоте звуков» (строка 6). Прецедентное высказывание «ронять шапку» (*ломао* 落帽) в строке девятой требует отдельного комментария. Это выражение связано с историей, изложенной в «Истории династии Цзинь» «Цзиньшу», описывающей события III-V вв. В главе «Биография Мэнцзя» описывается история военного похода Хуань Вэнь (IV в.) известного полководца царства Восточная Цзинь. Как-то 9-го числа 9-го лунного месяца Хуань Вэнь отдыхал в горах Луншань («Драконьих горах»), вокруг него собрались его помощники, среди которых было много мелких чиновников, одетых в пышные ритуальные одежды, военные доспехи. В это время поднялся ветер, который сбил шапку с чиновника Мэн Цзя, известного своей скромностью, справедливостью и мудростью. Мэн Цзя этого даже не заметил, да и свита Хуань Вэня ничего не сказала, не желая указывать на его неловкость. Мэн Цзя продолжал пировать и поднимать тосты. Когда через долгое время Мэн Цзя отправился в туалет, один из чиновников, воспользовавшись моментом, поднял шапку и положил на место Мэн Цзя. Хуань Вэнь, не зная, каким достойным человеком был Мэн Цзя, приказал одному из чиновников написать короткое издевательское сочинение об этом случае, что тот и сделал, и положил текст издевательского сочинения под шапку. Мэн Цзя, вернувшись, увидел, что уронил шапку, тихо надел её и сел на место. Затем, прочитав издевательское сочинение, также спокойно попросил тушь и бумагу и «стремительно» написал изящный ответ. Все были поражены его мастерством и скромностью. Позже выражение «ронять шапку» стало обозначать празднование в период двойной девятки, когда люди поднимаются на горы и холмы, там пьют хризантемовое или сливовое вино и сочиняют изящные строки. Строки (9-10) вызывают ассоциации с данной прецедентной ситуацией и могут служить характеристикой поведения честного интеллектуала, который, даже в условиях насмешек и увольнения со службы (здесь Ли Бо намекал на себя), сохраняет достоинство и светлый ум. Таким образом, для китайского читателя, знакомого с прецедентным феноменом, «ронять шапку» является и очевидным указанием и на тип поведения, и одновременно – лексическим экспликатором времени, указывающим на 9 число 9-го месяца.

В целом, анализ текстов стихотворений Ли Бо позволяет сделать вывод, что автором используются не только традиционные лексические экспликаторы времени как базовые категории китайского языкового сознания, но и образы, созданные автором с помощью лексем, которые вне контекста не имеют «временного значения». Временной континуум не описывается, а рисуется через символические и часто понятные только китайскому читателю знаки, которые формируют «пространство события» между чем-то уже прошедшим и тем, что наступает, но никогда так и не произойдет. Поэтическая экспликация времени в стихотворениях Ли Бо происходит благодаря сочетанию темпоральных прямых и косвенных указаний, при этом косвенные доступны только тому, кто понимает образы, привязанные не только к значениям лексических единиц китайского языка, но и к прецедентным феноменам, связанным с конкретными событиями, к символам, которые были актуальны в отдельные эпохи.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: Издательство «Индрик», 1997.
2. Бичурин И.Я. *Китай в гражданском и нравственном состоянии*. Москва: Восточный дом, 2002.
3. Тань Аошуан. *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
4. Маслов А.А. *Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала.* Москва: Алтейа, 2005.
5. Сериков А.Е. Восприятие времени в китайской культуре. *Вестник Самарской гуманитарной академии*. *Серия «Философия. Филология»*. 2016; 2 (20): 50 – 61.
6. Ван Луся, Старостина С.П. *Китайско-русский учебный словарь иероглифов*. Москва: Восточная книга, 2013.
7. Сюэ Шаолань. *Chineasy каждый день. Знакомство с китайским языком и культурой*. Москва: «Манн, Иванов и Фербер», 2016.
8. Ania Holub, Paul Simpson-Housley Sacred Taoist mountains and the poet Li Po. *Prairie Perspectives: Geographical Essays.* 2001; volume 4. Available at: http://pcag.uwinnipeg.ca/Prairie-Perspectives/PP-Vol04/Holub-Simpson_Housley.pdf
9. 李白诗集大全 («Полное собрание стихотворений Ли Бо»). Available at: http://www.lz13.cn/shiju/51824.html
10. Varsano, Paula M. *Tracking the Banished Immortal: The Poetry of Li Bo and Its Critical Reception.* Univ of Hawaii Pr, 2003.
11. 全唐诗（上.上海古籍出版社，1986年10月版，第405页. Полное собрание поэзии периода Тан. 1986; Часть 1.

References

1. Arutyunova N.D., Yanko T.E. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moskva: Izdatel'stvo «Indrik», 1997.
2. Bichurin I.Ya. *Kitaj v grazhdanskom i nravstvennom sostoyanii*. Moskva: Vostochnyj dom, 2002.
3. Tan' Aoshuan. *Kitajskaya kartina mira. Yazyk, kul'tura, mental'nost'*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004.
4. Maslov A.A. *Kolokol'ca v pyli. Stranstviya maga i intellektuala.* Moskva: Alteja, 2005.
5. Serikov A.E. Vospriyatie vremeni v kitajskoj kul'ture. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*. *Seriya «Filosofiya. Filologiya»*. 2016; 2 (20): 50 – 61.
6. Van Lusya, Starostina S.P. *Kitajsko-russkij uchebnyj slovar' ieroglifov*. Moskva: Vostochnaya kniga, 2013.
7. Syu`e Shaolan'. *Chineasy kazhdyj den'. Znakomstvo s kitajskim yazykom i kul'turoj*. Moskva: «Mann, Ivanov i Ferber», 2016.
8. Ania Holub, Paul Simpson-Housley Sacred Taoist mountains and the poet Li Po. *Prairie Perspectives: Geographical Essays.* 2001; volume 4. Available at: http://pcag.uwinnipeg.ca/Prairie-Perspectives/PP-Vol04/Holub-Simpson_Housley.pdf
9. 李白诗集大全 («Polnoe sobranie stihotvorenij Li Bo»). Available at: http://www.lz13.cn/shiju/51824.htm
10. Varsano, Paula M. *Tracking the Banished Immortal: The Poetry of Li Bo and Its Critical Reception.* Univ of Hawaii Pr, 2003.
11. 全唐诗（上.上海古籍出版社，1986年10月版，第405页. Polnoe sobranie po`ezii perioda Tan. 1986; Chast' 1.

Статья поступила в редакцию 15.06.18

УДК 81

***Mirzoyan I.G.**, senior teacher, Foreign Languages Department, FPA Synergy (Moscow, Russia), E-mail: mirzoyan.inga@gmail.com*
***Magarina T.V.**, senior teacher, Foreign Languages Department, FPA Synergy (Moscow, Russia), E-mail: magarina@mail.ru*

THE ISSUES OF THE GLOBALIZATION INFLUENCE ON THE INTERCULTURAL COMMUNICATIONS: THE SIGNIFICANCE OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE INTERNATIONAL INTERACTIONS. The article is dedicated to the English language's influence on the intercultural communications in the globalization epoch. The value of the article is determined by the necessity to